



Политика стран Европы и радикализация мусульманских общин

Юлия Нетесова

Некоторые исследователи утверждают, что миграционные процессы не сыграли большой роли в радикализации европейских мусульман [см., например: Roy 2004], однако уже элементарное изучение личных историй террористов подтверждает связь между терроризмом и миграцией. Так, Р. Лейкен и С. Брук проанализировали истории 393 террористов, действовавших в Западной Европе и Северной Америке, и выяснили, что 87% из них — мигранты либо в первом, либо во втором-третьем поколениях. Более того, 41% из них имели западные паспорта. В целом в изученной группе французских граждан было в 2 раза больше, чем граждан Саудовской Аравии, а британцев — больше, чем суданцев, йеменцев, ливанцев или ливийцев [Leiken, Brooke 2006]. Напрашивается вывод: хотя большинство мигрантов не являются террористами, большинство террористов все-таки являются мигрантами.

Радикализации иммигрантов-мусульман способствовал, среди прочего, фактический провал попыток интегрировать их в общество: в большинстве европейских стран неудачная политика интеграции привела лишь к отторжению мигрантов коренным населением.

В научной литературе принято выделять четыре типа интеграции. Первый — «имперская модель» — упрощенная интеграция различных народов в составе мультиэтнической империи с привилегированным положением одной национальной группы (примеры — Британская, Османская империи). Второй тип — «этническая модель» — характерен для этнически однородных и потому закрытых национальных сообществ; в таких сообществах права мигрантов на гражданство и социальное участие весьма ограничены, а натурализация сложна, так как гражданство определяется на основе *Jus Sanguinis*. Пример модели данного типа дает Германия XIX — первой половины XX вв.

В рамках третьего типа — *«республиканской модели»* — нация определяется как политическое сообщество, задаваемое конституцией, законами и гражданством, а мигранты независимо от национальности и вероисповедания могут ассимилироваться, если откажутся от своих особенностей и примут политические правила и культуру принимающей страны. Нормой для гражданства является *Jus Soli*, и натурализация относительно легка. Примером может служить Франция до 1993 г. Последний тип — *«мультикультурная модель»* — представляет собой разновидность республиканской модели, поскольку тоже базируется на политическом сообществе с конституцией, законами и гражданством; мигранты могут стать частью общества, приняв политические правила, но сохранив при этом свои культурные и этнические отличия. Примеры — Австралия, Канада, США, Великобритания, Швеция и, отчасти, Нидерланды.

К настоящему времени модели Великобритании и Германии трансформировались из имперской и этнической, соответственно, в мультикультурные, а Франция продолжает отстаивать республиканизм якобинского типа. Остальные страны исторически не имели собственных моделей интеграции и выбрали мультикультурную модель — традиционный выбор для либеральных демократий.

В каждой из стран Западной Европы, даже в тех, что приняли одну и ту же модель, миграционные процессы и политика интеграции мигрантов имели свою специфику, и на ней стоит остановиться особо.

Франция

Во второй половине XX в. миграционные потоки направлялись во Францию главным образом из ее бывших североафриканских

колоний, а сама миграция и ее регулирование прошли несколько этапов. Начало массовой иммиграции пришлось на послевоенные годы, когда резко возросла потребность в дешевой рабочей силе, необходимой для восстановления экономики. За послевоенным восстановлением последовал беспрецедентный экономический рост, потребовавший еще больших людских ресурсов. Однако в 1970-е годы экономические проблемы, вызванные нефтяными кризисами, заставили Францию отказаться от привлечения рабочей силы из-за рубежа и закрыть границы. В 1974 г. мигрантам, жившим во Франции в течение 10–30 лет, было разрешено перевезти сюда родных и близких. Последний этап характеризуется ростом нелегальной иммиграции через территорию других страны Евросоюза: Франция граничит исключительно со странами ЕС, и с появлением Шенгенского пространства она стала полностью зависеть от миграционной политики своих соседей. Другой отличительной чертой 1980-х годов стал рост числа просьб о предоставлении политического убежища из-за нестабильной обстановки в развивающихся странах и серьезных политических кризисов по всему миру.

После легализации части нелегально прибывших в страну мигрантов допуск в страну стал избирательным, натурализация осложнилась, а нелегальный въезд стал наказываться. Если раньше право на получение вида на жительство было связано с рабочей квалификацией, то теперь главными факторами стали длительность пребывания в стране и наличие родственников. В 2007 г. был принят закон о применении ДНК-теста к родственникам, желающим приехать во Францию в рамках объединения семей.

В результате многолетней иммиграции на территории Франции образовалась большая община уроженцев стран Магри-

ба. Изначально иммигранты собирались вернуться домой, как только сумеют заработать достаточно денег. Однако по мере того, как они смогли оценить преимущества системы социальной защиты и общей внутренней стабильности Франции, в их среде стало формироваться то, что позднее социологи назвали «мифом возвращения»: возвращение на родину превратилось в небыточную мечту.

Восприятие мигрантов местным населением со временем тоже менялось. В 1950-е и 1960-е годы их воспринимали как временную рабочую силу, в 1970-е в результате ухудшения межобщинных отношений в них стали видеть главным образом источник роста преступности, а в 1990-е — угрозу национальной безопасности. Это ощущение еще больше усилилось после событий 11 сентября 2001 г. Поскольку большинство мигрантов исповедуют ислам, как и участники захвата самолетов, в обществе широко распространились ксенофобские настроения, прежде всего исламофобия.

В теории французская модель интеграции как будто специально создана для облегчения жизни мигрантов: вновь прибывшие могут легко стать членами республиканского общества, если не будут демонстрировать в публичной сфере маркеры своей этнической или религиозной принадлежности. Иными словами, принадлежность к французскому обществу связана не с определенным этническим происхождением или религиозным вероисповеданием, а с решением не ставить это происхождение или вероисповедание выше светской республики.

Данная модель берет начало в предреволюционной Франции, когда Париж «собирает земли», пытаясь объединить эльзасцев, бретонцев, корсиканцев в единую французскую нацию. То есть, строитель-

ство французской нации было неразрывно связано с ассимиляцией, вследствие чего отказ ассимилироваться воспринимается истэблшментом как угроза нации как таковой. Желание демонстрировать свою религиозную принадлежность во Франции именуется «коммунитаризмом» — термином с отрицательными коннотациями. Коммунитаризм — это желание быть признанным, в первую очередь, в качестве члена определенной группы (религиозной, этнической и т.д.), а уже затем в качестве отдельного гражданина. В такой ситуации между государством и индивидом возникает нежелательный барьер в виде этнокультурной идентичности.

В 1970–1980-х годах правительство пришло к пониманию того, что французское общество стало мультикультурным, хотя некоторые культуры в нем остаются внутренне изолированными. Тогда и было решено проводить интеграционную политику, нацеленную не на общины, а на отдельных индивидов. Этой цели должны были служить улучшение жилищных и социальных условий, создание лучших возможностей для образования детей, живущих в неблагополучных кварталах, и другие подобные меры.

Однако спустя двадцать лет после запуска этой программы власти были вынуждены признать, что она не принесла результатов. В отстроенных кварталах по-прежнему живут исключительно мигранты и их дети, которых называют «детьми, рожденными в иммиграции», хотя они родились и выросли во Франции. Уровень безработицы среди жителей таких кварталов в 3 раза выше, чем среди молодых французов такого же возраста, более высок и уровень насилия.

В 1980–1990-х годах во Франции произошел резкий всплеск националистических настроений, достигший своего пика

в 2002 г., когда националист Ж.-М. Ле Пен прошел во второй тур президентских выборов. Общество разделилось на «мы» (коренное, белое население) и «они» (мигранты из арабских стран, исповедующие ислам). Второе поколение иммигрантов, чувствуя, что Франция их не принимает, начало идеализировать страны своих предков, делая акцент на единственном связующем звене с ними — исламе, который при разработке интеграционной политики вообще не принимался во внимание как социальный фактор. А между тем на территории Франции образовалась крупнейшая мусульманская община Европы, численность которой сегодня оценивается в 5–6 млн. человек, или 10% населения страны.

Поскольку светский характер французского государства заставлял трактовать интеграцию исключительно как отказ от публичных проявлений национальных, культурных и религиозных особенностей, лицам, исповедующим ислам, который подразумевает как раз манифестацию в публичной сфере, было сложнее всего интегрироваться в общество. К тому же в рамках ислама уже существует развитая система религиозной социализации, воспроизводящаяся из поколения в поколение, и она автоматически стала конкурентом для республиканских институтов. Все это объясняет, почему в европейском обществе принадлежность к мусульманской конфессии бросается в глаза сильнее, чем к любой другой.

Непримиримое отношение коренным населением мигрантов из Магриба и их детей привело к тому, что они превратились в общество внутри общества, в граждан второго сорта, изолированных в своего рода гетто. Именно из подобных неблагополучных районов происходили воевавшие на стороне талибов молодые люди, чьи тела были найдены в Афганистане, а также те, кто был

задержан полицией накануне чемпионата мира по футболу в 1998 г. по обвинению в подготовке теракта [Sifaoui 2002]. Появление на территории Франции «спящих» террористических ячеек, в которые входят не иностранные, а доморощенные исламские экстремисты, превратилось в главную угрозу внутренней безопасности.

Великобритания

В Великобритании, в отличие от Франции, власти изначально не стремились использовать мигрантов как рабочую силу. Долгое время вопрос об оформлении отношений между нациями внутри Британской империи, распадавшейся на протяжении всей второй половины XX в., оставался нерешенным. К тому же в Великобритании исторически правила разрабатывались не для мигрантов вообще, а для представителей определенных национальностей, нуждавшихся в убежище в тот или иной исторический момент.

В первый период массовой миграции (1948–1962 гг.) жители британских колоний считались подданными Великобритании и могли беспрепятственно въезжать на территорию Соединенного Королевства — миграция из стран Содружества рассматривалась как сугубо внутренний процесс. В то время не существовало никакой особой политики в отношении мигрантов, что было вызвано нежеланием Великобритании терять влияние на территории Содружества.

Во второй период (1960–1970-е годы) массовый наплыв мигрантов в сочетании с процессом распада Британской империи привел к своеобразному упразднению имперского гражданства: граждане одних стран бывшей Британской империи сохраняли право беспрепятственного въезда в Великобританию, граждане других стран

такого права были лишены. Тогда же произошло закрепление понятий «Старое» и «Новое» Содружество: Австралия, Новая Зеландия и Канада были отнесены к первой категории, а страны Азии, Африки и Карибского региона — ко второй.

Новую политику предполагалось основывать на двух принципах: строгом контроле над въездом в Великобританию и выстраивании хороших отношений между различными расовыми группами, ранее входившими в состав Британской империи. Однако это оказалось невозможно, поскольку в самой Великобритании, в том числе в официальных кругах, преобладали ксенофобские настроения, что стимулировало отрицательное отношение к «цветным» мигрантам и соответствующим образом влияло на внутреннюю политику. В 1970-е годы по всей Великобритании прокатились расовые бунты — протесты против дискриминации и актов расизма. В результате был принят так называемый «Закон о расовых взаимоотношениях» (1976 г.).

Кардинальное изменение в миграционной политике Великобритании произошло в 1981 г.: было введено британское гражданство для британцев, а представители Содружества, как Нового, так и Старого, превратились в иностранцев.

Однако именно на 1980-е годы пришелся пик иммиграции в Великобританию, который продолжился и в следующем десятилетии. Власти, наконец, увидели возможности, которые открывает использование рабочей силы мигрантов для развития национальной экономики. В связи с этим была разработана политика привлечения мигрантов в необходимые для страны отрасли и определены четкие квалификационные критерии для экономических мигрантов.

Отдельную группу мигрантов составляли политические беженцы, к которым,

разумеется, квалификационные требования не предъявлялись. Как стало ясно позднее, наиболее серьезными последствиями грозило предоставление убежища политическим беженцам из мусульманских стран, где в те годы начинали борьбу за власть национальные исламистские движения, жестоко подавлявшиеся своими же авторитарными режимами. Предоставление убежища подобным оппозиционерам привело к появлению «Лондонистана» — европейской «столицы» радикально настроенных мусульман со всего света. В Великобритании это не породило исламофобии такого масштаба, как во Франции, зато позволило исламским экстремистам развернуть здесь небывалую по размаху деятельность.

В последние годы, особенно после терактов 11 сентября, в Великобритании, как и во многих других западных странах, миграционное законодательство ужесточается. Начиная с 2000 г., были приняты три закона, отражающие связь между миграцией и национальной безопасностью [Terrorism Act 2000; Anti-terrorism, Crime and Security Act 2001; Nationality, Immigration and Asylum Act 2002].

Исторически в Великобритании не было проекта, аналогичного французскому республиканскому проекту, направленному на стирание этнических, конфессиональных и лингвистических отличий граждан; наоборот, право на отличие всегда было неотъемлемой характеристикой британского общества как следствие исторически закрепленных отличий между англичанами, валлийцами, шотландцами и ирландцами. Великобритания позиционировала себя как страна с толерантным мультикультурным обществом, где задавать вопросы о религии или этническом происхождении просто неприлично. Это заложило основу для мультикультурной модели, в рамках ко-

торой культурные сообщества имеют право сохранять свои особенности, если уважают законы принимающей страны.

Поскольку мультикультурализм воспринимался как способ «взаимного обогащения и оплодотворения культур», «скрещивания народов», Великобритания поощряла этнические меньшинства исповедовать свои религии, сохранять свои языки и обычаи. Более того, культурные отличия воспринимались как способ самовыражения, вследствие чего ассимиляция даже не рассматривалась официальным Лондоном как возможный вариант.

Долгое время интеграционная модель Великобритании считалась наиболее успешной, поскольку сочетала свободу самовыражения мигрантов с уважением вновь прибывшими национальных законов. Первые признаки несовершенства данной модели появились в 1970-е годы вместе с расовыми бунтами. Затем стало понятно, что политика поощрения самоорганизации общин в соответствии с их традициями, то есть фактически, переход к организации жизни сообществ на коммунитарный уровень, привела к изоляции общин от коренного населения и друг от друга [Weil, Crowley 1994]. А экономический кризис 1970–1980-х годов, лишивший работы многих мигрантов, лишь углубил социально-экономическую пропасть между ними и коренными жителями.

Таким образом, политика мультикультурализма привела к тому, что различные этнические группы не стали частью единого мультикультурного общества, а превратились в субобщества, разделенные непреодолимыми этническими и социальными барьерами. Внутри этих сообществ начали зарождаться неформальные объединения, подпадающие под определение «новых социальных движений» — слабо организованные группы, пропагандирующие те или

иные социальные изменения в идентичности, стиле жизни, культуре [Pichardo 1997; Smith, Pagnucco, Chatfield 1997]. Особое значение имели социальные движения радикального характера, появившиеся внутри мусульманской общины, которая на сегодня составляет примерно 2,7% населения Великобритании (1,6 млн. мусульман, из которых около 40% пакистанского происхождения, 20% — арабского и африканского, 15% — бангладешского, 10% — индийского, 15% — из других стран). Наиболее известный пример движений такого рода — неформальное объединение «Аль-Мухаджирун» (*араб.* «эмигранты»), члены которого в своих заявлениях открыто пропагандировали терроризм. Политическая система Великобритании долгое время терпимо относилась к деятельности объединения, что позволяло ему свободно распространять свои радикальные идеи. Такие организации (а их было немало), безусловно, сыграли свою роль в радикализации молодых мусульман.

Но не все исламистские группы и движения ограничивались словами. 7 июля 2005 г. Великобритания снова испытала ужас терактов, только на этот раз их организаторами были не члены Ирландской республиканской армии, а британцы пакистанского и карибского происхождения, чей лидер Мохаммед Сидик Хан в видеопослании говорил о страданиях мусульман с сильным йоркширским акцентом. Следующим шоком для британцев стали предотвращенные теракты в Глазго и в Лондоне, подготовкой которых занимались выходцы из арабских стран, по всем формальным критериям интегрированные в британское общество.

В Великобритании есть доморощенные исламские террористы, поддерживающие связи с «Аль-Каидой», — это неожиданное открытие обнажило главную проблему мультикультурализма: незнание того, что

происходит в соседних общинах, особенно исламских. Это заставило британское руководство не только принять дополнительные меры безопасности, но и задуматься о формировании общей наднациональной идентичности, которая смогла бы объединить все этносы, проживающие на территории Соединенного Королевства. Так появился термин «britishness» — что-то вроде «британства». Однако содержание данной идеи, основы которой планируется преподавать в школах, пока непонятно.

Германия

Миграционные потоки в Германию второй половины XX в. в целом схожи с миграционными потоками во Францию, но есть и одно отличие: Германия никогда не была колониальной державой, и мигранты направлялись сюда не из бывших колоний, а из стран, с которыми были достигнуты двусторонние договоренности. Первое такое соглашение было подписано с Турцией в 1961 г.

На момент заключения соглашений о миграции не было и речи. Действовавшая в то время программа «работников-гостей» (*нем.* Gastarbeiter) предусматривала ротацию кадров: по окончании контракта одни работники должны были покинуть страну, а им на смену должны были приехать другие. Но, как и в случае с Францией, основная часть мигрантов приняла решение не возвращаться на родину.

В 1973 г. в связи с «нефтяным шоком» политика активного привлечения иностранных работников сменилась политикой ограничения въезда, зато началось воссоединение семей, которое продолжается до сих пор, хотя его условия постепенно ужесточаются. В 1980–1990-х годах Германия приняла часть нахлынувшей на Европу

волны политических беженцев. В Германии это были в основном беженцы из турецкого Курдистана, стран бывшей Югославии, Ирака, Ирана, Палестинских территорий, Афганистана.

Сегодня на территории Германии проживает около 2,5–2,6 млн. турок [Islam and Identity in Germany 2007], 1 млн. выходцев из бывшей Югославии, 500 тыс. итальянцев, 350 тыс. греков и 250 тыс. поляков [Wihtol de Wenden 2004].

Поскольку работники приезжали из стран, с которыми Германия не была связана узами прошлого, контакты такого рода регулировались на официальном уровне, и создавалось впечатление, что государство контролирует ситуацию. Тем более что, даже оставшись, мигранты не могли получить германское гражданство. Ограничения натурализации обуславливались тем, что в Германии исторически сложилось понимание того, кто может, а кто не может быть «немцем», — основополагающим было правило «немецкой крови» (*Jus Sanguinis*). В результате власти долгое время не признавали, что Германия превратилась в страну иммиграции. Это мешало коренным немцам воспринимать иностранных работников как своих возможных сограждан, а несколько десятилетий спустя привело к тому, что, несмотря на смену официального курса, 47% турецкого населения страны не могут представить себя немцами [Islam and Identity in Germany 2007].

В то же время воспоминания о недавнем нацистском прошлом обусловили создание в послевоенной Германии такой социально-политической системы, которая должна была исключить малейшие намеки на преследование или ограничение прав религиозных и этнических меньшинств. В отличие от Франции, в Германии были сразу признаны права диаспор (хотя тог-

да они считались временным явлением). В 1964 г. в целях создания органов, которые могли бы представлять общины в диалоге с федеральными властями, был принят закон, разрешающий иностранцам создавать ассоциации при условии, что они не будут угрожать общественному порядку. Более того, немецкие левые всячески поощряли мигрантов поддерживать связь с исторической родиной, использовать родной язык в быту и исповедовать свою религию.

Были также предприняты усилия по расселению мигрантов, чтобы избежать появления гетто. Для этого выделялись субсидии, вводились квоты на расселение иностранцев вместе с немцами, нанимались профессиональные посредники, решавшие проблемы, связанные с различием культур. Как следствие, в Берлине не существует ни одного дома, в котором жили бы только турки [Islam and Identity in Germany 2007]. Конечно, районы с повышенной концентрацией мигрантов существуют, но это — результат не официальной политики Берлина, а естественного желания мигрантов селиться рядом друг с другом.

Однако блокирование натурализации при консервации диаспор привело к появлению мигрантов второго и третьего поколений, которые выросли турками в Германии, а не немцами турецкого происхождения.

В 1990-х годах пришло понимание того, что большинство мигрантов стали частью германского общества, и началась разработка первой интеграционной программы. Она основывалась на положении, что интеграция должна предшествовать натурализации. Иными словами, мигранты должны были сначала интегрироваться в общество и доказать свою «немецкость» и только потом получить немецкое гражданство. Эта политика вызвала резкую критику и не принесла ожидаемых результатов. В 2000 г. был по-

ложен конец этнической модели общества: Германия приняла решение выдавать гражданство рожденным на ее территории независимо от того, были у новорожденного в роду немцы или нет.

Мусульманская община Германии насчитывает 3 млн. человек (примерно 3,7% от общего населения страны), из которых 2,6 млн. — турки. Кроме них в стране живут выходцы из Боснии и Герцеговины, Марокко, Ирана, Ирака, Афганистана, Пакистана, других арабских стран, стран Африки, включая Тунис. Из общего числа немецких мусульман 80% (2,1–2,5 млн.) являются суннитами, 15% — алевитами, 5% — шиитами.

Из-за невозможности получить немецкое гражданство большинство мигрантов из Турции (75%) продолжают сохранять турецкое подданство, а, значит, представляют интерес (и опасность) для Анкары: последняя опасается, что в недрах турецкой диаспоры сформируется исламская оппозиция светскому режиму в Турции. Поэтому долгое время с согласия Берлина религиозным аспектом жизни диаспоры занималось турецкое правительство. Основные вопросы решались через Турецко-исламский союз сохранения религии (DITIB), чья штаб-квартира в Анкаре косвенно контролирует почти половину всех турецких мечетей в Европе.

Хотя в целом интеграция турецкой общины в Германии пока оставляет желать лучшего, в среде немецких турок радикализация значительно ниже, чем в мусульманских общинах соседних государств. Единственным случаем их участия в террористической деятельности стала подготовка терактов на территории Германии осенью 2007 г., в которой участвовали один немец турецкого происхождения и два принявших ислам этнических немца. Группа, планировавшая взорвать американскую военно-воздушную

базу и консульства США и Узбекистана в Германии, якобы, входила в Союз исламского джихада — организацию, отделившуюся от Исламского движения Узбекистана [Boukhars 2007a]. Что касается знаменитой «гамбургской ячейки», имевшей отношение к подготовке и осуществлению терактов 11 сентября, то ее члены не были по происхождению турками.

В целом, для Германии характерно более осознанное отношение к проблеме сосуществования различных этносов на ее территории, чем в других европейских странах. Немецкая интеграционная модель занимает промежуточное положение между этнической и мультикультурной. В обществе идет дискуссия по поводу введения термина «ведущая культура» (нем. *Leitkultur*) — аналог британского «britishness». Точное значение этого термина пока не определено, но он призван обозначать некую базовую культуру Германии, разделять которую должны все сообщества, за которыми по-прежнему признается право на отличие.

Бельгия

В 1960-е годы Бельгия, как и другие европейские страны, принимала мигрантов из-за нехватки рабочей силы, которая была необходима для поднятия угольной промышленности. У Германии она позаимствовала миграционную программу ротационного характера, и результаты были такими же: большинство мигрантов не вернулись на свою родину.

В конце 1960-х годов началось ужесточение законодательства: были установлены официальный запрет на иммиграцию и санкции против работодателей, использующих труд иностранных рабочих, введены квалификационные требования к мигрантам. В те же годы произошла их частичная

легализация, начался период воссоединения семей. Брюссель надеялся, что с переездом семей мигрантов сократится их трудовая мобильность: работники будут реже переезжать и властям будет легче контролировать ситуацию. Однако законодательные меры не сопровождались конкретными действиями. Границы так и не были закрыты, и в страну продолжали приезжать мигранты из соседних стран. В 1980–1990-е годы появилась и новая категория мигрантов — политические беженцы.

Сегодня на территории Бельгии легально проживает 1 млн. иностранцев (10% от общего населения), из которых крупнейшие группы составляют итальянцы (25%) и марокканцы (16%) [Департамент по делам иностранцев...; Wihtol de Wenden 2004]. Эти цифры значительно увеличатся, если к ним добавить нелегальных мигрантов. К тому же с 2000 г., с упрощением правил получения бельгийского гражданства, подсчитывать мигрантов и их потомков стало сложнее: получив паспорт, они формально перестают быть мигрантами.

Что касается мусульманской диаспоры, то она составляет примерно 4% населения и представлена двумя основными этническими группами — марокканцами (80 тыс., по данным на 2007 г.) и турками (41 тыс., по данным на 2007 г.) [Департамент по делам иностранцев...]. Мигранты марокканского происхождения, в большинстве своем холостые мужчины, приезжали в основном из бедного и проблемного района Риф [Renier 1999]. Турки же ехали преимущественно из центральных анатолийских районов. Они, так же, как и турки, проживающие в Германии, поддерживают постоянную связь с родиной и предпочитают жить национальными общинами.

Политика интеграции иммигрантов стала проводиться в Бельгии только с сере-

дины 1980-х годов, после того, как страну захлестнула «мигрантофобия»: мигрантов повсеместно обвиняли в экономической стагнации. Вслед за этим в Бельгии начались волнения, организованные потомками мигрантов, протестовавшими против дискриминации, в частности, со стороны полиции. В ответ Брюссель принял меры по улучшению условий жизни мигрантов и создал Королевскую комиссию по миграционной политике. В целом в этот период правительство проводило двойную политику: с одной стороны, поддерживало тех мигрантов, которые хотели вернуться на родину, с другой — содействовало интеграции тех, кто хотел остаться. Это отразилось и на законе о гражданстве, которое стало присваиваться по принципу *Jus Soli*. В 2000 г. процедура предоставления гражданства и вовсе упростилась: паспорта начали выдавать мигрантам, прожившим в стране достаточно долгое время.

Члены мусульманской общины Бельгии в среднем значительно моложе, чем представители других мусульманских общин Европы, поскольку миграция из мусульманских стран в Бельгию началась позднее. Несмотря на это, Бельгия стала первой страной в Европе, официально придавшей в 1974 г. исламу статус традиционной конфессии — наряду с католицизмом, протестантизмом и иудаизмом. Благодаря этому мусульмане получают субсидии на строительство и реставрацию культовых учреждений, государство выплачивает жалование и пенсии священнослужителям и ислам можно преподавать в государственных школах.

Ислам постепенно превратился в фактор внутренней политики Бельгии, что было спровоцировано отчасти популистским использованием исламских тем на местных выборах, а отчасти тем, что в среде му-

сульман сформировалась элита, активно отстаивающая свои права [Четверикова 2005].

В Бельгии присутствие радикальных элементов не так заметно, как в других европейских странах, однако мусульманский радикализм здесь имеет свои особенности. Для многих иностранных террористических группировок, таких как Марокканская исламская боевая группа, Бельгия была одной из стран базирования. В 2006 г. трое членов бельгийской ячейки этой организации были признаны виновными в соучастии в организации терактов в Мадриде в 2004 г. [Bouhars 2007b].

Что касается собственных радикалов, то наиболее известным случаем стал арест шестерых бельгийцев, из которых пятеро имели североафриканское происхождение, а шестой был обращенным в ислам европейцем. Они завербовали 38-летнего бельгийку, принявшую ислам, которая в 2005 г. стала смертницей в Ираке [Bouhars 2007b].

В Бельгии преобладает убеждение, что страна и, в частности, бельгийская культура сильно проиграли в результате проводимой мультикультурной политики, которая так и не привела к принятию новыми сообществами бельгийских ценностей. Эта проблема накладывается на другие болезненные процессы: Бельгия сегодня переживает серьезный кризис в связи с противостоянием фламандского Севера и валлонского Юга. Специалисты обращают внимание на то, что если Бельгия все-таки распадется, то Брюссель, который в этом случае получит статус города-государства, станет первым в Европе государством (пусть и карликовым) с мусульманским большинством. Вместе с тем на данном этапе мусульманское население в дебатах по поводу судьбы Бельгии участия не принимает.

Нидерланды

Первая волна мигрантов — около 300 тыс. человек — прибыла в Нидерланды в 1950-е годы из Индонезии, в прошлом голландской колонии. В 1960-е годы мигранты приезжали из Италии, Испании, тогда же приехала и значительная группа мусульман. Две трети из них прибыли из Марокко и Турции, значительно меньше — из Ирака, Афганистана, Ирана и Сомали. В отличие от индонезийцев, они не говорили по-голландски, что осложнило их отношения с голландским обществом и привело к компактному расселению. В 1980–1990-х годах поступило множество обращений с просьбой предоставить убежище (пик пришелся на 1998 г. — 45 тыс. ходатайств).

Традиция предоставления убежища была заложена еще в XVII в., когда Голландия приютила бежавших из Франции гугенотов. Впоследствии в стране складывались основы для толерантного общества, открытого другим культурам, что неизбежно влияло на формирование относительно мягкой миграционной политики. Однако в 2004 г. после убийства режиссера Т. ван Гога и последующего ареста членов «группы Хофстад» эта традиция была нарушена: под давлением населения миграционное законодательство значительно ужесточилось, и в стране стали набирать силу националистические настроения.

Политика интеграции инокультурного населения, начатая в 1980-х годах, получила название «политика в отношении меньшинств»: само слово «интеграция» тогда не использовалось. В 1983 г. голландское правительство обнародовало «Отчет о меньшинствах», в котором обозначило цели по укреплению прав мигрантов [Sunier 2005].

В 1990-х годах в обществе развернулась дискуссия на эту тему. Тогда же была вы-

брана мультикультурная модель интеграции как наиболее подходящая голландскому обществу. Реализация ее в понимании голландцев означала усилия не столько со стороны государства, сколько со стороны общества: оно должно было принять культурные и религиозные отличия меньшинств, проживающих отныне на территории Нидерландов и являющихся частью голландской нации. Этот подход именовался также «интеркультурализмом», поскольку этнические, языковые или религиозные группы не получали особого статуса, а рассматривались как неотъемлемая часть нации.

В рамках этой политики был предпринят ряд мер по защите прав меньшинств, в частности, прав мусульманской общины. Так, при поддержке властей были открыты около 400 мечетей, 32 мусульманские начальные школы, одна средняя школа и университет в Роттердаме; были выделены субсидии на содержание отдельных СМИ (во Франции и Германии это было бы невозможно). Рабочие-мусульмане получили возможность иметь выходные дни во время Рамадана, в государственных учреждениях было разрешено ношение хиджаба. Одновременно проводилась либеральная политика предоставления гражданства.

Однако создать сбалансированное мультикультурное общество так и не удалось, и в результате на рубеже XXI в. общественное мнение стало склоняться к тому, что либо модель мультикультурализма не работает, либо населению так до конца и не объяснили, в чем же все-таки заключается ее суть [Van Selm 2005]. С этого момента «интеграция» и «миграция» превратились в политизированные понятия, а обещания ограничить въезд в страну стали приносить победные голоса на выборах. Термин «мультикультурализм» постепенно исчез из политического лексикона: подразумева-

лось, что интегрироваться мигранты должны через принятие голландской культуры. На подобное развитие событий повлиял, видимо, и тот факт, что Нидерланды — одна из самых густонаселенных стран мира: присутствие новых этнических групп в таких условиях становится особенно заметным.

По данным официальной статистики, на начало 2004 г. в Нидерландах проживало 945 тыс. мусульман, что составляло 5,8% населения, а в 2006 г. эта цифра достигла миллиона [Четверикова 2005]. Крупнейшие группы образуют выходцы из Марокко и Турции. Именно эти общины оказались в центре дебатов по поводу неудавшейся интеграции, символами чего стали кварталы Гааги, Амстердама, Роттердама, на три четверти населенные мигрантами.

Основной удар по голландской модели интеграции был нанесен убийством в 2004 г. режиссера Т. ван Гога, автора 10-минутного фильма «Покорность» о положении женщин в исламских государствах и насилии, которому они подвергаются «с разрешения Корана». Убийца — Мухаммед Буйери, 26-летний нидерландец марокканского происхождения, — даже не пытался скрыться с места преступления.

Вскоре в стране начались столкновения между немусульманами и мусульманами, было совершено более 20 поджогов мечетей, церквей и школ. В мгновение ока одна из самых толерантных стран Европы превратилась в общество, терзаемое страхами в отношении мигрантов. Так, по данным проведенного вскоре после убийства ван Гога опроса общественного мнения, 40% голландцев надеялись, что мусульмане «больше не чувствуют себя в Голландии как дома», а 80% выступали за «ужесточение мер в отношении мигрантов» [Sparks 2004].

Ухудшению межэтнических отношений способствовало и то, что, как оказалось,

убийство ван Гога было частью более глобального плана развязывания «джихада на Северном море», разработанного «группой Хофстад», к которой принадлежал убийца [Nesser 2005]. Как уже отмечалось, за этим последовало резкое ужесточение политики в отношении мигрантов. Принятие крайних мер, популярных среди определенных слоев населения, но в целом воспринятых как неконституционные, в итоге привело к череде правительственных кризисов.

Италия

До 1980-х годов Италия была страной эмиграции, а не иммиграции, и проблемы мигрантов там не существовало. Миграционные потоки усилились в 1980–1990-х годах, и в настоящее время здесь проживает 1 млн. иностранцев, из которых самую большую группу составляют марокканцы (12,4% от общего числа) [«Società aperta, società dinamica e sicura» 2004].

Первый закон, регулирующий миграцию, был принят в 1998 г. и устанавливал правила для экономической миграции и воссоединения семей. Сегодня Италия, в частности, ее северные районы, нуждается в рабочей силе, однако общество напугано масштабами и результатами миграции из соседней Румынии, чьи цыгане разбили таборы вокруг крупных городов, и нелегальной миграции из Африки (африканские мигранты, часто не обладающие трудовой квалификацией, приплывают на лодках на южные итальянские острова Лампедуза и Сицилия). Все это привело к ужесточению законодательства. В 2003 г. был принят закон Босси-Фини, заметно ограничивающий приток мигрантов и затрудняющий их натурализацию. Одновременно была проведена легализация мигрантов, незаконно находившихся в стране. Под влия-

нием жестокого убийства пожилой женщины, совершенного молодым румыном в ноябре 2007 г., планируется ввести еще более жесткие антимиграционные меры. Политическим партиям правого толка, требующим от центральной власти принять меры долгосрочного характера для решения проблемы мигрантов, противостоит бизнес-лобби, заинтересованное в дешевой рабочей силе. Таким образом, Италия еще не выработала последовательной национальной стратегии в сфере регулирования миграции.

Мусульманская диаспора в Италии весьма значительна, и по масштабам распространения ислам занимает второе место после католицизма, однако этот факт не был официально признан государством. Если Юг Италии познакомился с исламом еще в IX–XI вв., то в северных районах, куда и устремилось большинство мигрантов, ислама не было никогда. Там межобщинные отношения стали резко ухудшаться на фоне расистских настроений, культивируемых отдельными политическими партиями, в частности, правой «Северной Лигой». Последняя использует слова «мусульмане» и «мигранты» как синонимы, хотя куда более острую проблему для страны представляет иммиграция румынских цыган, осевших, как уже отмечалось, вокруг крупных городов.

Мусульманская диаспора в Италии неоднородна по своему составу: мигранты, исповедующие ислам, прибыли из Северной Африки, африканских стран южнее Сахары, с Балкан, Ближнего Востока, из Индии и Пакистана. Важной отличительной чертой итальянской мусульманской общины является то, что она образовалась в кратчайшие сроки.

В целом итальянское общество, достаточно однородное, но традиционно открытое для новых культур, плохо справляется

с интеграцией мигрантов, что осложняется сильными позициями правых в политике, отсутствием конструктивной позиции правительства и Ватикана по данному вопросу, а также недавними событиями в самой мусульманской общине, внутри которой обнаружались радикальные элементы.

Испания

Несмотря на то, что Испания управляла северной частью Марокко вплоть до 1956 г. и до сих пор имеет ряд анклавов на североафриканском побережье, ситуация в стране развивалась не по «французскому сценарию». Дело в том, что Испания, как и Италия, вплоть до 1980-х годов была страной, из которой уезжали. Одно время она служила транзитным коридором для мигрантов, направлявшихся в другие европейские страны. Однако в последние годы Испания превратилась из транзитной страны в страну, принимающую мигрантов.

По официальным данным, сегодня в Испании проживает около 4,5 млн. иностранцев, в основном европейцев, латиноамериканцев и марокканцев (последние составляют 13% от общего числа иммигрантов) [Instituto Nacional de Estadística]. Однако реальная цифра намного выше, так как многие мигранты живут и работают нелегально (так, численность марокканцев отдельные эксперты оценивают примерно в 1 млн., что в 2 раза превышает официальные данные). Начиная с 2003 г. крупнейшие миграционные потоки в Испанию идут из Колумбии, Румынии, Эквадора и Аргентины.

До 1985 г. в Испании не существовало законов, устанавливающих правовые рамки для мигрантов, в том числе правила въезда, процедуры регистрации и натурализации. Мигранты даже не были обязаны регистрировать свое пребывание в стране. С созда-

нием Шенгенского пространства подобное «попустительство» стало неприемлемо для Евросоюза, и Испания была вынуждена принять ряд законов, которые не только определили обязанности мигрантов (например, необходимость вставать на учет), но и дали им некоторые права.

С приходом к власти в 2000 г. консервативной Народной партии тенденция поменялась: были приняты более жесткие меры, в частности, введены квоты на въезд в страну трудовых мигрантов. Позднее стало понятно, что этот механизм неэффективен, поскольку он не соответствовал требованиям рынка и только стимулировал нелегальную миграцию [Sole 2004].

Смена правительства в 2004 г. вновь поставила на повестку дня вопросы миграции. Передача Центром части полномочий на региональный и местный уровни позволила многим мигрантам более эффективно решать свои проблемы [Sole 2004]. Однако самой актуальной из всех аспектов миграционной политики для Испании по-прежнему остается проблема нелегальной миграции.

Дискуссия об интеграции неиспанского населения протекает на фоне более широкой общественной дискуссии о национальной идентичности. Как отмечают специалисты, процесс строительства испанской нации на протяжении XVIII–XIX вв. шел неравномерно, регионы развивались асимметрично, а слабость метрополии, поражение в испано-американской войне 1898 г. и последующая утрата статуса империи сформировали у испанцев комплекс неполноценности, подстегнув региональные идентичности. В XX в. это вылилось в сепаратистские движения в Стране басков, Каталонии и других регионах [Balfour, Quiroga 2007]. Резкий рост миграции — за последние десять лет в страну прибыло око-

ло 4 млн. мигрантов — привел к тому, что на прилавках магазинов появились книги с названиями «Самоубийство Испании», «Темные часы Испании», «Что осталось от Испании», «Защита испанской нации» и т.п. Все они отражают растущие опасения, что появление на арене новых этноконфессиональных групп, в частности, нового поколения испанских мусульман, разрушит и без того слабую испанскую идентичность [Balfour, Quiroga 2007].

Однако на фоне других европейских стран испанцы в целом достаточно спокойно отнеслись к притоку мигрантов. Отчасти дело в том, что большинство мигрантов составляют латиноамериканцы, которые не только говорят по-испански, но и внешне похожи на испанцев. К тому же наплыв мигрантов совпал по времени с периодом экономического процветания. Стоило ему смениться экономическим спадом — и отношение к мигрантам сразу же поменялось на негативное.

Количество мусульман, проживающих в Испании, на сегодня достигло 700 тыс. человек, что составляет 17% общей численности иммигрантов [Четверикова 2005]. Они не являются крупнейшей группой, но, как и в других странах Европы, привлекают к себе наибольшее внимание. Вместе с тем в истории Испании уже были периоды, когда мусульмане жили на Иберийском полуострове и даже управляли большей его частью. Поэтому ислам и мусульмане не стали чем-то радикально новым для страны, чья история и культура носят сильный отпечаток исламского влияния. В 1992 г. был принят закон, институционализировавший сотрудничество между государством и Исламской комиссией Испании. В этом законе ислам определялся как многовековая традиция, сыгравшая важную роль в формировании испанской идентичности.

Определяющим фактором «мусульманской миграции» в Испанию является географическая близость североафриканских стран, облегчающая сам процесс миграции и позволяющая иммигрантам поддерживать контакт с родиной. Этим объясняется и высокий уровень нелегальной миграции. По этой же причине после ужесточения иммиграционного законодательства в странах ЕС именно на территории Испании осели многие радикальные элементы, желавшие сохранять связь со своими странами. В результате, хотя процент мусульман в Испании, по сравнению с другими странами ЕС, невелик, вопрос об их интеграции и, главное, о противостоянии радикальным тенденциям внутри мусульманской общины стоит здесь весьма остро.

События 12 марта 2004 г., естественно, не могли не сказаться на межобщинных отношениях: основной группой мусульман в Испании являются марокканцы, к которым принадлежали и члены совершившей теракты группировки. Это дало еще один толчок исламофобии и закреплению испанской идентичности, основанной на католицизме.

Европейская политика: общие черты и отличия

Миграционная политика стран Европы прошла через одни и те же стадии: либеральная политика, ужесточение правил въезда как реакция на экономический кризис, политика объединения семей, рост числа политических беженцев и масштабов нелегальной миграции. Основные отличия заключались в этническом составе мигрантов, интенсивности миграционных потоков и внутренней реакции на образование новых общин.

Главной общей чертой было то, что миграционные потоки только отчасти являлись

результатом *миграционной* политики, так как привлечение рабочей силы из-за рубежа рассматривалось как «приезд с обратным билетом». Появление собственно миграционной политики стало лишь запоздалой реакцией на произошедшее. Отчасти дело здесь в так называемом «эффekte колеи», или «зависимости от прежней траектории развития» (*англ.* path dependence): несмотря на рациональность новых решений, политический истэблишмент часто продолжает, как бы по инерции, следовать исторически сложившейся политической линии [Thelen 1999]. Например, в случае Великобритании определяющим фактором служило нежелание расставаться с империей, в результате чего не была выстроена политика в отношении бывших подданных. Франция и Германия долгое время не хотели признавать тот факт, что мигранты остались в стране и, более того, стали частью общества. Когда же период относительного «попустительства» сменился ужесточением политики, и страны Западной Европы закрыли свои границы, основная доля мигрантов начала оседать в странах, ранее служивших лишь транзитным коридором. Испания и Италия оказались не готовы к такому повороту событий, что еще раз подтверждает необходимость согласования региональных политик Европейского союза.

Другая причина «несерьезного» отношения к миграции на ее начальной стадии заключалась в искренней убежденности в том, что миграционные потоки можно контролировать, а главное, в нужный момент развернуть в обратную сторону. Однако практически любая временная миграция с большой степенью вероятности становится постоянной [Hansen 2003]. Попытки же контролировать «качество» мигрантов через введение квалификационных требований подрывались тем, что мигрант, прошед-

ший квалификационный отбор, имел право перевезти семью, члены которой могли не соответствовать квалификационным требованиям.

Неожиданный результат дала и политика предоставления политического убежища: Западная Европа впустила на свою территорию не только политических диссидентов, но и радикалов, которым не нашлось места даже в их собственных странах. Возникновение прослойки политически активных и радикально настроенных мигрантов превратилось для стран Европы в угрозу их внутренней безопасности.

Страны ЕС выбирали различные подходы к интеграции и по-разному претворяли в жизнь интеграционные программы, но очевидно, что все они, хоть и каждая по-своему, не справились с интеграцией мусульманского населения. При всех отличиях можно выделить ряд общих причин, обусловивших поражение интеграционной политики.

Во-первых, провал интеграции мусульман вписывается в более широкий контекст проблемы национальной идентичности, с которой столкнулись страны ЕС в конце XX – начале XXI вв. Государства с сформировавшимся пониманием нации, такие, как Франция, Германия, Великобритания, под давлением новых факторов были вынуждены адаптировать это понимание к новым условиям. Для французской модели главным вызовом стало активное проявление религиозной принадлежности мусульман, служившее преградой к ассимиляции, для немецкой — расширение этнических границ нации, для британской — необходимость противостоять «сообществам внутри сообществ». В настоящее время процесс трансформации прежней национальной идентичности продолжается, и от его результатов зависит будущее социальной сплоченности этих государств.

Для второй группы стран — Испании, Италии, Бельгии, Нидерландов — характерно отсутствие четкой концепции нации, что не преминуло сказаться на интеграционной политике. Как правило, демократические страны, не обладающие четкой национальной идентичностью, берут за образец мультикультурную модель общества, но у них нет механизмов для ее реализации. Провал этой модели в данных странах обусловлен, в первую очередь, отсутствием консенсуса не столько в отношении того, как вновь прибывшие могут стать бельгийцами, итальянцами, испанцами, сколько в отношении того, кто в принципе является бельгийцем, итальянцем, испанцем. В условиях существования «наций внутри нации» интеграция мигрантов в более широкое национальное пространство оказывается проблематичной: когда между региональным и национальным сообществами существуют antagonистические противоречия, мигранту проще интегрироваться в локальное сообщество (андалузское, сицилийское, брюссельское), игнорируя национальный уровень.

Во-вторых, большую роль в провале интеграции сыграло то, что у вновь прибывших мигрантов-мусульман уже была собственная, прочно сформировавшаяся идентичность — религиозная, и под влиянием чужой и часто враждебной среды она только усиливалась. К тому же у этой идентичности было одно важное преимущество по сравнению с региональными и национальными идентичностями принимающих стран: она имела трансграничный и наднациональный, а в каком-то смысле даже глобальный характер. Конкурировать с такой идентичностью очень сложно, и страны ЕС столкнулись не только с проблемой переосмысления или выстраивания своей национальной идентичности и донесения ее

до мигрантов, но и с гораздо более серьезной проблемой — инкорпорирования национальной религиозной идентичности новой социальной группы.

Свою роль сыграло и то, что ислам в Европе в целом ассоциируется с колониальной историей, с территориальной южной границей, с иммиграцией и социальной исключенностью [Roy 2004]. Страны, не имевшие опыта «сосуществования» с исламом, оказались психологически не готовы к его инкорпорированию, а страны, знакомые с исламом, были заняты проблемой осознания собственной идентичности, оставив выстраивание отношений с новым социумом «на потом». В результате коренное население Европы обвиняет мусульман в том, что те не хотят интегрироваться в европейское общество и даже планируют поменять его «под себя», мусульмане же упрекают жителей старой Европы в том, что интеграция в ее нынешнем виде превратилась для них в новую форму колониализма.

Как утверждает французский социолог М. Вьеверка, современные общества вступили в новую эру фундаментальных процессов фрагментации и перестройки идентичностей. Отторжение чужих идентичностей только стимулирует процесс их формирования, что и происходит сейчас в Европе [Вьеверка 2005]. Таким образом, определение культуры принимающей страны через противопоставление исламу лишь усиливает религиозную составляющую идентичности мигрантов и играет на руку джихадистам, которые заинтересованы в том, чтобы все потенциальные мусульмане ощущали себя именно мусульманами, а не немцами, французами, итальянцами и т.д. Некоторые эксперты видят в современной исламистской идеологии своего рода национализм, выходящий за пределы национальных государств, но, как и любое национа-

листическое движение, демонстрирующий тенденцию к самопожертвованию и защите территории — в данном случае территории Халифата [Hegghammer 2007].

На развитие событий повлияла и модель либерального государства. Рожденная в эпоху Просвещения и вышедшая из Французской революции, эта модель строго настаивала на разделении государства и церкви, что привело к значительному уменьшению религиозного сообщества Европы и оттеснению религии на задний план общественной жизни, дав основания говорить о постхристианской Европе. В этих условиях столкновение на своей территории с обществом, переживающим религиозный подъем, порождает серьезные трудности, что хорошо иллюстрируется французским «делом о платках».

Так зародился взаимный кризис идентичности. В Европе появилось новое поколение людей с множественными идентичностями, ни одна из которых не является национальной в ее классическом понимании. И если крайним проявлением кризиса идентичности у коренного европейского населения стало возникновение расистских и ксенофобских тенденций, то для мусульман таким проявлением является радикализация, которой только содействует образование замкнутых сообществ, внутри которых молодые люди ищут ответы на свои вопросы.

В рамках анализа взаимоотношений постхристианской Европы и мигрантов-мусульман особого внимания заслуживает строительство мечетей, внешне заметных и отличающихся от традиционной европейской архитектуры зданий, превратившееся в очередное «яблоко раздора». В большинстве случаев европейцы выступают против архитектурной экспансии ислама, которая рассматривается как начало исчезновения

Европы и появления «Еврабии». Накал страстей, вызванный строительством мечетей, используется местными политиками: например, в Австрии предвыборные кампании строятся на обещаниях заблокировать строительство мечетей и минаретов [Mosques in the West 2007: 10]. Очевидно, что сами по себе минареты никакой опасности не представляют, гораздо опаснее подвальные помещения и гаражи, где ведется работа по радикализации, но атака на символы ислама, ассоциирующиеся с другой цивилизацией, вызвана тем самым общеевропейским кризисом идентичности.

Вместе с тем борьба с исламским экстремизмом временами уже напоминает «охоту на ведьм». Под влиянием непропорциональных действий со стороны органов безопасности даже умеренные мусульмане, придерживающиеся консервативной версии ислама, склоняются к воинствующим движениям. К тому же возмущения местных властей и коренных жителей против строительства мечетей за счет государства побуждают мусульманские сообщества обращаться за финансовой помощью к мусульманским странам. Это прямо противоречит декларируемому стремлению европейских стран снизить иностранное влияние в среде мусульман.

К тому же желание вести диалог с официальными властями по поводу местоправления культа и организации религиозной жизни является не чем иным, как готовностью пойти на контакт. Более того, на контакт идут именно умеренные мусульмане, а самые радикальные — салафиты — всячески избегают контактов с принимающим обществом. Однако сегодня Европа готова интегрировать лишь светских мусульман, которые составляют меньшинство в мусульманской общине и не доставляют особых проблем.

«Ловушкой» для Европы стала и свобода слова и ассоциаций — основа мультикультурной модели интеграции, сыгравшая на руку радикальным и экстремистским течениям. Экстремисты смогли развернуть в Европе деятельность, невозможную в странах исхода. Более того, вербовка была значительно облегчена провалившейся интеграцией. Огромный вклад в радикализацию разочарованной молодежи внесли призывающие к джихаду радикальные поведенники и многочисленные джихадистские интернет-форумы.

Наконец, неудавшаяся интеграция послужила толчком к радикализации второго и третьего поколений иммигрантов, которые не ощущают себя коренными жителями: несмотря на то, что они ходили в такие же школы, слушали одну музыку и выросли в соседнем квартале, общество постоянно подчеркивает их отличие, которое также подтверждается их неудачами в образовании и карьере. В результате они становятся легкой добычей исламистских радикалов.

Данный механизм хорошо объясняет теория социальных движений, известная также как теория J-образной кривой, которая была разработана в 1970-х годах американским социологом Дж. Дэвисом. Ее центральным понятием является чувство лишения или неравенства, испытываемое как по отношению к другим, так и от сравнения реальности с собственными ожиданиями [Davies 1971]. Согласно этой теории, объясняющей возникновение революций, социальных беспорядков, погромов и т.д., люди примыкают к разного рода спонтанным движениям тогда, когда разница между их ожиданиями и фактическим положением дел становится слишком значительной, а чувство неравенства или лишения — доминирующим. Более того, как отмечает автор теории, это, как правило, происходит после

периода относительного экономического благополучия, что, опять же, соответствует положению современных мигрантов в Европе: после существенного улучшения положения по сравнению с ситуацией в стране происхождения большинство из них столкнулись с непреодолимым социально-экономическим неравенством. Эта теория также объясняет, почему в ряды исламистов вступают и коренные европейцы: как правило, они происходят из бедных и неблагополучных семей.

Таким образом, интеграция мусульман в европейское общество происходила не по тому сценарию, который был прописан европейскими идеологами. Практически все страны оказались не способны решить основные проблемы, связанные с интеграцией мусульманского населения: ассимиляция была отвергнута мусульманами, а различные варианты мультикультурной модели спровоцировали дальнейшую социальную дезинтеграцию. Важной тенденцией стало

то, что интегрируемый ислам не «секуляризовался». Напротив, используя светский характер европейских политических структур и принцип свободы вероисповедания, ислам начал более настойчиво утверждать свою религиозно-культурную самобытность в странах ЕС. Как справедливо заметил французский исследователь О. Руа, свобода в религиозной сфере, возможность самостоятельно принимать решения, связанные с верой, могут привести к формированию как либеральных, так и радикальных взглядов [Роу 2004].

Между неудавшейся интеграцией и религиозной радикализацией существует неоспоримая связь, и возникновение радикальных группировок можно считать неудачей всего общества. Если раньше основной угрозой для стран ЕС были исламские террористы, действовавшие извне, то теперь они вынуждены бороться с исламскими террористами, выросшими на их территории.

п р и м е ч а н и я

Вьеверка М. 2005. Формирование различий // «Социологические исследования», № 5.

Департамент по делам иностранцев Министерства внутренних дел Бельгии: http://www.dofi.fgov.be/fr/statistieken/statistiques_etrangers/Stat_ETRANGERS.htm

Четверикова О. 2005. Религия и политика в современной Европе. М.

Anti-terrorism, Crime and Security Act. 2001. UK Parliament: <http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2001/20010024.htm>

[gov.uk/acts/acts2001/20010024.htm](http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2001/20010024.htm)

Balfour S., Quiroga A. 2007. The Reinvention of Spain. Nation and Identity Since Democracy. N.Y.

Boukhars A. 2007a. Germany Arrests Fuel Fear of Homegrown Terrorism // «Terrorism Focus», vol. 4, № 29: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Bsword%5D=8fd5893941d69d0be3f378576261ae3e&tx_ttnews%5Bany_of_

[the_words%5D=boukhars&tx_ttnews%5Btt_news%5D=4413&tx_ttnews%5BbackPid%5D=7&cHash=6c2310d5f8](http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Bsword%5D=8fd5893941d69d0be3f378576261ae3e&tx_ttnews%5Bany_of_the_words%5D=boukhars&tx_ttnews%5Btt_news%5D=4413&tx_ttnews%5BbackPid%5D=7&cHash=6c2310d5f8)

Boukhars A. 2007b. Iraqi Terror Trial Exposes Belgium's Muslim Dilemma // «Terrorism Focus», vol. 4, № 35: http://www.jamestown.org/single/?no_cache=1&tx_ttnews%5Bsword%5D=8fd5893941d69d0be3f378576261ae3e&tx_ttnews%5Bany_of_the_words%5D=boukhars&tx_ttnews%5Btt_news%5D=4413&tx_ttnews%5BbackPid%5D=7&cHash=6c2310d5f8

ttnews%5Btt_news%5D=4508&tx_ttnews%5BbackPid%5D=7&cHash=7b7063c5f0

Davies J. 1971. When Men Revolt and Why — A Reader in Political Violence and Revolution. N.Y.

Hansen R. 2003. Migration to Europe since 1945: Its History and Its Lessons // The Politics of Migration: Managing Opportunity, Conflict and Change / Ed. by S. Spenser. Massachusetts: Blackwell Publishing.

Hegghammer Th. 2007. Political Violence in Saudi Arabia: The Rise and Fall of «al-Qaida on the Arabian Peninsula». Conference Paper // Oil, Energy and Middle East. Norwegian Defense Research Establishment: http://www.mil.no/multimedia/archive/00091/Political_Violence_i_91403a.pdf

Instituto Nacional de Estadística: <http://www.ine.es>

Islam and Identity in Germany. 2007. International Crisis Group // Europe Report, № 181, 14.03: http://www.crisisgroup.org/library/documents/europe/181_islam_in_germany.pdf

Leiken R., Brooke S. 2006. The Qualitative Analysis of Terrorism and Immigration: An Initial Exploration // «Terrorism and Political Violence», vol. 18.

Mosques in the West. 2007 // «The Economist», 01–07.09, vol. 384, № 8544.

Nationality, Immigration and Asylum Act 2002. Chapter 41. 2002: http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2002/ukpga_20020041_en_1

Nesser P. 2005. The Slaying of the Dutch Filmmaker — Religiously Motivated Violence or Islamist Terrorism in the Name of Global Jihad? FFI/Rapport. 2005/00376. Norwegian Defense Research Establishment.

Pichardo N. 1997. New Social Movements: a Critical Review // «Annual Review of Sociology», vol. 23.

Renier G. 1999. On the History and Selectivity of Turkish and Moroccan Migration to Belgium // «International Migration», vol. 37, № 4.

Roy O. 2004. Globalized Islam. The Search for a New Ummah. N.Y.

Sifaoui M. 2002. La France malade de l'islamisme. Menaces terroristes sur l'Hexagone. P.

Smith J., Pagnucco R., Chatfield C. 1997. Social Movements and World Politics // Transnational Social Movements and Global Politics. Syracuse.

«Societa aperta, societa dinamica e sicura». Dossier Statistico Immigrazione 2004. XIV Rapporto Caritas-Migrantes. 2004: http://www.db.caritas.glaucio.it/caritastest/temi/Immigrazione/Dossier_2004/Home.htm

Sole C. 2004. Immigration Policies in Southern Europe // «Journal of Ethnic and Migration Studies», vol. 30, № 6.

Sparks J. 2004. Muslim Mole Panics Dutch Secret Service // «The Sunday Times», 14.11: <http://www.timesonline.co.uk/tol/news/world/article391094.ece>

Sunier Th. 2005. Interests, Identities, and the Public Sphere: Representing Islam in the Netherlands since the 1980s // European Muslims and the Secular State / Ed. by J. Cesari, S. McLoughlin. Aldershot.

Terrorism Act 2000. Chapter 11. Arrangement of Sections. 2000: <http://www.opsi.gov.uk/acts/acts2000/20000011.htm>

Thelen K. 1999. Historical Institutionalism in Comparative Politics // «Annual Review of Political Science», № 2.

Van Selm J. 2005. The Netherlands: Death of a Filmmaker Shakes a Nation: <http://www.migrationinformation.org/Profiles/display.cfm?ID=341>

Weil P., Crowley J. 1994. Integration in Theory and Practice: A Comparison of France and Britain // The Politics of Immigration in Western Europe. Portland.

Wihtol de Wenden C. 2004. Admissions Policies in Europe // International Migration: Prospects and Policies in a Global Market / Ed. by D. Massey, E. Taylor. Oxford.

Фонд «Центр политической философии» объявляет грантовую программу на 2009 год

Гранты предоставляются на исследования в области политической философии и других социально-гуманитарных наук.

Формы грантов: индивидуальные и коллективные.

Срок проведения исследований: пять месяцев.

Суммы грантов: от 120 000 до 600 000 руб.

Тематика грантов:

- идеологические столкновения в отечественной философии и общественной мысли (1945–2008 гг.);
- эволюция образа «Другого» и национальная идентичность в России XX–XXI вв.;
- развитие/конструирование политической идентичности в современном обществе: возможности и ограничения;
- философия и религия в условиях кризиса «больших» идеологий Нового времени;
- основания и уровень доверия в политике, функционирование политических институтов и проблема доверия;
- социальные противоречия и разрывы «роста» в условиях экономических вызовов XXI в.;
- креативный класс и инновационная экономика: уход от копирующей модели развития;
- философско-этические и политические предпочтения управляющих элит: между Востоком и Западом;
- философские основания политики и социально-политическое конструирование в XXI столетии (на примере китайской модели).

Сроки подачи заявок: с 26 ноября 2008 г. по 23 января 2009 г.

Сроки рассмотрения заявок Экспертным Советом Фонда: с 23 января по 27 февраля 2009 г.

Сроки проведения исследований по грантам: с 1 марта по 1 августа 2009 г.

Информация о пакете документов, необходимых для подачи заявок на получение грантов, представлена на сайте: <http://www.politphilosophy.ru>

Заявки на гранты необходимо направлять по почтовому адресу: 115035, Москва, Черниговский пер., д. 9/13, стр. 3, Фонд «Центр политической философии», или по электронному адресу: info@politphilosophy.ru